

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА И ПОДХОДЫ К ИХ ИССЛЕДОВАНИЮ

*Работа представлена кафедрой лексики английского языка
Московского педагогического государственного университета.
Научный руководитель – доктор филологических наук, доцент Е. А. Никулина*

Несомненно, цвет является самым сильным фактором из всех проявлений окружающей действительности в своем влиянии на сознание человека. Исследования цветообозначений в структуре англоязычного поэтического текста выявили их многогранность и высокую семантическую значимость. И это подтверждается исключительным вниманием к цветообозначениям и наличием большого количества подходов к их исследованию.

Colour is undoubtedly the most powerful factor among all the other indications of the social realm in its influence over the human's mind. The research of colour naming in the English poetic text structure revealed its versatility and high semantic significance. This fact is corroborated by the exceptional attention to colour naming and availability of a great number of approaches to its analysis.

В связи с высказываемым мнением о языковой природе ситуативно-тематических полей, функционирующих в тексте, представляет несомненный интерес обнаружение в структуре поэтического текста некоторого набора понятийно и функционально связанных групп лексики с участием лексико-семантической группы цветообозначений.

Хорошо известна значительная роль цвета в самых различных областях жизни человека, что, несомненно, обусловливает и определенную взаимосвязь понятий цветовой и нецветовой лексики на языковом уровне. Одной из сфер проявления подобной зависимости является стихотворный поэтический текст.

Использование цвета в художественном тексте, сколь бы индивидуально-авторским оно ни было, должно подчиняться собственно языковым закономерностям. Эти закономерности, определяемые, в частности, текстовой номинацией, проявляются по-разному, в зависимости от типа текста. Стихотворный поэтический текст изучен в

современной лингвистике текста еще очень мало, законы текстовой номинации в нем практически не раскрывались. Тем не менее выявлены многие свойства стихотворного поэтического текста, раскрывающие основы его образности, особенностей передаваемой им информации. Несомненно, в этом процессе должно учитываться не только передаваемое содержание (или информация), но и форма. В роли последней выступают собственно языковые знаковые средства, благодаря которым информация обретает «коммуницируемую форму»¹.

Одним из важнейших проявлений формы в поэтическом стихотворном тексте является его рифмо-ритмическая организация, подчиняющая себе все прочие языковые средства, и в первую очередь те самые слова, которые серией мелькающих бликов ткут образ (или иллюзию) мира. Слово в поэтической речи приобретает характер слова-переживания благодаря своей подчеркнутости, выделенности, смысловой и интонационной насыщенности. Отсюда большая смысловая нагрузка на слово в

стихотворной речи по сравнению с речью прозаической и разговорной, поскольку поэтический текст подвергается дополнительным ограничениям, а именно метрико-ритмическим нормам, организованности на всех возможных уровнях его структуры².

Принцип стихотворного текста определяется следующим образом: как можно короче и как можно полнее, в результате чего в нем всегда ощутима энергия сжатия³. Все это, безусловно, не может пройти бесследно и для зрительно-цветовой образности стихотворного поэтического текста. Помимо собственно содержания (или информации первого рода) в стихотворном поэтическом тексте представлены в той или иной степени различные слои второстепенной информации. Исследователи поэтического текста уже привычно оперируют термином «информация», когда ведут речь о своеобразии его содержательных особенностей. Специфика поэзии заключается именно в той информации, которую она выражает. На первый план в поэзии выступает эмоциональная, эстетическая информация, а кроме повышенной эмоциональности поэзию отличают особенности содержания, заключающиеся в конденсации мысли и образа⁴.

К особенностям содержания поэтического текста можно отнести и весьма ощущимую связь жанровой формы с достаточно определенными содержательными границами. В свою очередь, жанрово-специфическое содержание тесно связано с рифмоподобной формой стихотворения и специфическими языковыми средствами, например, ода выражает восторженные чувства, возбуждаемые в поэте каким-либо значительным предметом (личностью или событием), ее язык украшен мифологическими образами, тропами, риторическими фигурами, а строфа выдержана по особой схеме: четырехстопный ямб и десятистрочные строфы (для русской оды)⁵. Давая информативную характеристику поэтического текста, исследователи также отме-

чают, что поэтический текст включает в себя ту информацию, которую автор намеревается сообщить читателю, и то волевое намерение, которое он пытается реализовать. Волевое намерение художника по отношению к публике состоит в том, чтобы приобщить ту или иную ее часть к познанной художником истине и его собственной идеально-эстетической позиции⁶.

Используя терминологию И. В. Арнольд, можно квалифицировать приведенное высказывание по поводу волевого намерения поэта в поэтическом произведении как блок его pragmatischer информации.⁷

Важно отметить и такое сделанное в адрес поэтического стихотворного текста замечание, что он представляет собой лишь частную форму текстообразования и что определенная комбинация изобразительных средств формирует индивидуальный стиль поэта⁸. При ближайшем рассмотрении это заявление можно расценивать как отражение в поэтическом тексте общих законов текстообразования, которые должны быть отнесены к языковому уровню и которые, будучи востребованными отдельными поэтами в том или ином наборе, создают специфический авторский стиль. Как было отмечено, вполне позволительно говорить не только об авторской индивидуальности в использовании поэтического языка, но и об особом поэтическом языке века, не зависящем от конкретных особенностей того или иного языка. Были сделаны заявления и о наличии определенных типов, моделей поэтического текста⁹.

Существенным дополнением к упомянутым выше замечаниям является констатация того факта, что в поэтическом тексте происходит наиболее полная реализация потенциальных возможностей, заложенных в системе языка. Коммуникативно-прагматические особенности поэтического текста определяют его языковой облик таким образом, что он в значительной степени отличается и от всех других сфер коммуникации, где арсенал языковых средств весьма

ограничен. Для решения проблемы цветовой образности настояще замечание имеет принципиальное значение, так как оно позволит на основе изучения творческой манеры отдельных поэтов, их особой приверженности к цвету делать достаточно общие выводы о структуре сенсорной образности в поэтическом тексте и о ее собственно языковой природе.

Что касается англоязычного поэтического текста, то в нем, вне зависимости от индивидуально авторского использования цветовой лексики, были выявлены некоторые постоянные закономерности в ее функционировании с другими лексическими структурами¹⁰. Такие словоупотребления отличаются высокой частотностью и постоянством, в связи с чем их можно квалифицировать как языковые основы зрительно-цветовой образности в стихотворном поэтическом тексте.

Таким образом, очевидно, что проблема цветонаименований в лингвистике многократно освещалась под самыми различными углами зрения и на материале многих языков. Итогом всех предпринятых усилий явилось то, что мы располагаем в настоящее время достаточно полными сведениями о составе и характере группы лексики со значением цвета. Установлено, например, что в количественном отношении данная лексическая область (которую, вероятнее всего, следует определять как лексико-семантическое поле) более чем обширна, хотя, как замечает А. П. Василевич, вряд ли разумно ставить себе целью получение исчерпывающего списка слов-цветообозначений в каком-либо языке¹¹.

Согласно его данным, в некоторых специальных английских словарях содержится до пяти тысяч цветонаименований, но на самом деле эта цифра не является предельной, так как постоянно появляющиеся новые слова и словосочетания не успевают фиксироваться словарями. Появление новых наименований цвета запограммировано в первую очередь тем, что число цветовых

оттенков, различаемых глазом, приближается к семи тысячам¹², т. е. намного превосходит имеющееся в языках количество слов-цветонаименований. По этой причине А. П. Василевич именует цветообозначения открытым множеством. На фоне подобной безграничности поля цветонаименований особенно поразительным представляется то, что они обладают крайне неравнозначной употребительностью. Основная масса словоупотреблений – до 80%, например, в русском языке – приходится на долю 20 слов (наиболее употребительные из них: белый, черный, красный, зеленый, синий, голубой), а в английском языке – до 92% на 12 слов (наиболее употребительные из них: blue, green, red, black, white, yellow)¹³.

Вместе с тем остальную часть цветонаименований нельзя назвать редкими окказионализмами. Статус той или иной лексемы со значением цвета, безусловно, определяется ее жанровым и стилевым использованием, а точнее, принадлежностью к определенной области человеческой деятельности, находящей отражение в профессиональной литературе. Именно в этой сфере функционирует обширный массив цветообозначающей лексики, так как данная сфера требует гибкой и емкой системы цветовой терминологии. Интересно упомянуть некоторые из такого рода цветообозначений, используемых в специальных отраслях знаний, поскольку они также составляют бесчисленное поле слов со значением цвета. На материале русского языка это, в частности, следующие лексемы: в ботанической литературе – шамуа, древесинный, лососевый, мясной, сливяной, тельный, проскурнячный, кермесовый; в литературе по красильному производству – кашу, дикий, сольферино, мов; в минералогии – печенковый, спаржевый, шпейзовый, томбаковый, луковый, гвоздичный, таусинский (цвета павлиньего пера, павлиний, фиолетовый) и т. д.¹⁴

Приведенные примеры, сколь бы фрагментарны они ни были, дают достаточно

яркое представление о характере существующих в языке цветообозначений, хотя и отнесенных на его периферию, но тем не менее присущих ему. В целом, однако, следует заметить, что исследования цветовой лексики за пределами художественного текста представлены единичными случаями¹⁵.

Что касается лексико-семантического поля цветообозначений, то оно состоит главным образом из прилагательных; гораздо менее частотные существительные и глаголы произведены на их основе. По поводу самих прилагательных следует заметить, что среди них также имеется немало производных, и их появление, несомненно, связано прежде всего со стремлением передать какой-либо тонкий цветовой оттенок или нюанс. Наиболее сложные из цветов передаются даже словосочетанием. В английском языке по степени сложности цвета и по типу производности все цветообозначения были подразделены на четыре вида:

- 1) простые слова, а также такие единицы, как вроде *изумрудно-зеленый* (*red, violet, crimson, blood red, navy blue, bottle green*);
- 2) слова с модификаторами (*pale green, bright green, shocking pink, deep purple*);
- 3) двусоставные прилагательные модели «цвет»+«цвет» (*red yellow, blue green, reddish ginger, pinkish violet*);
- 4) словосочетания модели «цвета» (*colour of the English sea, colour of rotting fruit, colour of sunshine on sand*)¹⁶.

Приведенные количественные и качественные характеристики поля цветообозначений вполне достаточны, чтобы дать представление о его истинных масштабах и наполнении. При сравнительном анализе различного рода работ в рамках целостной «понятийной картины мира» было отмечено, что исследования, посвященные изучению феномена цвета в языке, составляют одну из самых многочисленных групп.¹⁷

Первыми среди них, по-видимому, должны быть названы работы психолингвис-

тической направленности, и прежде всего потому, что цвет, который нам кажется вполне самостоятельным атрибутом окружающей нас действительности, на самом деле представляет собой лишь психический феномен. Объективно цвет существует как длина световой волны, являясь в остальном продуктом деятельности зрительных рецепторов и мозга. Человек и различные представители животного мира, имеющие разное устройство этих систем, видят цвет по-разному.

Психолингвистические исследования, посвященные группе цветообозначений, в основном направлены на изучение семантических отношений, существующих внутри этой группы. Эти исследования часто бывают сопоставительными и основываются на материале самых различных языков¹⁸.

Что касается собственно лингвистических исследований, то здесь мы также встречаем исключительное разнообразие. Имеется немало работ исторической направленности, рассматривающих цветообразующую лексику в каком-либо древнем языке или диахронии¹⁹.

Исследования, базирующиеся на современном материале, столь многочисленны, что практически не поддаются учету. При всем разнообразии имеющихся исследований приходится отметить, что все они ориентированы лишь на уровень слова. Между тем приложение лексики цветонаименований к изучению сенсорной образности, обнаруживаемой лишь в рамках текста, делает возможным обоснование и текстового уровня рассмотрения лексико-семантического поля со значением цвета. В этой связи необходимо назвать еще одну группу весьма многочисленных исследований, изучающих использование лексем со значением цвета в языке того или иного писателя или поэта. Цветообозначения рассматриваются в этом случае как одно из весьма выразительных художественных средств в репертуаре авторских возможностей²⁰.

Приходится тем не менее отметить, что и в подобных работах словарный уровень остается преобладающим. Несмотря на то что в поле зрения ученого находится текст и использование в нем цветообозначающей лексики, данный уровень ее рассмотрения еще не означает выхода на иной текстовый уровень. Между тем именно такой подход к изучению лексики цветонаименования представляется в настоящее время наиболее интересным и актуальным в связи с той ролью, которую в современном языкоизнании играет обращение к тексту как средоточию всех коммуникативных действий личности в сфере языковой деятельности. С другой стороны, хотя исследование цветообозначений в языке писателя и ставит во главу угла семантику самих цветонаименований, но оно уже находится на полпути к текстовому уровню. Необходимо расширить его в этом направлении, придать ему обобщающее текстовое измерение. Помимо прочего, подобный способ исследования также помогает раскрыть текстообразующую функцию различных парадигматических структур лексики.

Все данные работы нацелены, в сущности, на выявление текстообразующих функций тех или иных парадигматических структур лексики. Аналогичной структурой является также и лексико-семантическое поле, остающееся пока вне текстового рассмотрения. Что касается лексико-семантического поля цветонаименований, то его текстообразующие функции могут оказаться весьма заметными, учитывая то значение, которое цвет вообще имеет в жизни человека.

Первую попытку рассмотреть существующую взаимосвязь между объединением слов в поле и их распределением в тексте сделал Я. Шайкевич на основе допущения, что слова, связанные по смыслу, должны встречаться в тексте недалеко друг от друга и, наоборот, что слова, встречающиеся вместе в осмыслинном тексте, связаны друг с другом по смыслу. В целом ему удалось доказать это положение, которое на мате-

риале цветообозначений он продемонстрировал следующими статистическими данными: для *blue* число совместных появлений с *red* составило 9 случаев, с *white* – 16, а для *red* с *white* – 50²¹.

Несомненно, однако, что при всей своей ориентации на текст вышеупомянутое исследование нельзя квалифицировать именно как текстовое в полном смысле слова, учитывающее какие-либо парадигматические свойства цветообозначений в тексте. Но, с другой стороны, в ряде работ, исследующих цветовую лексику как особенность идиостиля писателя или поэта, просматриваются некоторые черты, способные стать основой текстового подхода к анализу слов-цветообозначений.

В этом отношении заслуживает упоминания одно наблюдение, сделанное А. П. Василевичем при работе с текстами художественной литературы. Он отмечает, что средства цветообозначения используются преимущественно в следующих ситуациях при описании:

- 1) внешности человека;
- 2) одежды, включая материал и т. п.;
- 3) различных предметов быта;
- 4) природы (растительного мира, неба, воды).

При этом, как замечает ученый, некоторые ситуации особенно предрасполагают к употреблению цветонаименований, например описание одежды по сравнению с описанием природы. Примечательно и его заключение относительно разнообразия употребляемых в них слов, так как при описании, например, внешности используется крайне ограниченный набор слов-цветообозначений и т. д.²² Комментируя приведенные факты, следует прежде всего сказать, что в данном случае мы имеем дело с попыткой осветить проблему с точки зрения явления, получившего впоследствии название «текстовой номинации».

Регулируя появление цветообозначений в тексте, текстовая номинация определяет степень и характер участия цветообознача-

ющей лексики в создании текстовой семантики. Все перечисленные ситуации, освещенные в работах А. П. Василевича, представляют собой отображение цветового признака какого-либо предмета, непосредственно существующего во внеязыковой действительности. Этот случай можно будет называть в дальнейшем нижним уровнем цветового отображения в тексте. Совершенно иначе обстоит дело, если цветообозначающая лексика используется в символических и переносных значениях. Ее роль в создании текстовой семантики в этом случае намного усложняется. В работах, исследующих особенности цветообозначающей лексики в языке писателей и поэтов, отмечается и ее символическое значение²³. Впрочем, точная квалификация последнего нередко может оказаться весьма затруднительной. По-видимому, к разряду символического употребления может быть причислен и тот частный случай, который Л. Ф. Соколова определяет как особенность индивидуально-авторского восприятия. По ее мнению, в языке отдельного автора способно приобретать символическую окраску частное или контекстуальное цветообозначение, что становится отличительной чертой авторского идиолекта²⁴.

Иногда фиксируется и очень тесное взаимодействие символики и переносной семантики цветообозначений, как, например, переносные значения есенинских цветовых образов, строящиеся в основном на базе народной цветовой символики²⁵. Небезынтересно отметить в этой связи также и обобщения, которые делаются при исследовании цвета в языке писателя или поэта.

В целом исследования цветописи в языке различных авторов достаточно разнообразны.

Как было сказано выше, разнообразные и многочисленные термины-цветообозначения – удел специально-научных текстов по минералогии, химии, красильному производству, ботанике, зоологии, технике живописи и т. д. Что касается художествен-

ной литературы, то их, судя по всему, вероятнее будет встретить в прозе, нежели в поэзии. Не известно ни одного исследования, посвященного использованию редких и малоупотребительных цветообозначений в художественном тексте, что позволило бы сделать некоторые выводы в этом отношении. Как в прозе, так и в поэзии цветообозначения всегда рассматривались только с их наиболее частотного блока.

В английской поэзии наиболее частотными названы такие цветообозначения: *blue, black, grey, red, green, white, yellow, brown*²⁶. Из выводов В. А. Московича, сделанных им для русского языка, следует, что список цветообозначений, общий для поэзии и прозы всех рассмотренных им авторов, следующий: белый, черный, красный, синий, голубой, зеленый, желтый, серый. «Цветовой мир» поэзии на 82% вписывается словами этого списка, а прозы – на 70%. В поэзии слова «базисной» лексики покрывают большее пространство текста, чем в прозе: на 100 слов в поэзии встречается 0,3 слова цветообозначений, а в прозе – 0,07²⁷.

Завершая обзор, можно сделать вывод о своеобразной структуре лексико-семантического поля цветообозначений в английском языке (не исключено, что то же будет характерно и для других языков). Ядро поля возможно выделить на основании совершенно другого принципа, нежели это делалось до сих пор, а именно на основании принципа частотности его появления в речи (тексте). В этом случае приходится констатировать, что это ядро, по сравнению со всей остальной периферией, исключительно мало: 8–10 единиц против 5 тысяч. Что касается внутренних связей поля при выполнении им текстообразующих функций (и, в частности, при создании зрительно-цветовой образности), то их должно установить исследование. Можно также заметить в этой связи, что в лингвистике уже предпринимались попытки структурировать полевое ядро на основе употребительности того или иного участка составляющей его лексики²⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лузина Л. Г. Распределение информации в тексте (когнитивный и прагмалингвистический аспекты). М.: ИНИОН РАН, 1996. С. 6
- ² Рыжова В. А. Функционально-прагматическая роль переноса в стихотворном тексте // Коммуникативно-функциональный аспект языковых единиц. Тверь, 1980. С. 73.
- ³ Сильман Т. И. Заметки о лирике. Л.: Советский писатель, 1977. С. 151.
- ⁴ Андреева К. А. Функционально-семантические типы текста. Тюмень, 1989. С. 80–81.
- ⁵ Введение в литературоведение / Под ред. Г. Н. Поспелова. 3-е изд. М.: Высшая школа, 1988. С. 132.
- ⁶ Атаева Е. А. Поэтический текст как источник информации // Лингвистические исследования художественного текста. Ашхабад, 1987. С. 84.
- ⁷ Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования). Л.: Просвещение, 1981. С. 87.
- ⁸ Соколова Н. К. О специфике поэтического текста // Коммуникативная и поэтическая функции художественного текста. Воронеж, 1982. С. 9, 11.
- ⁹ Волегов А. В. Динамика поэтического текста: Автореф. дис. ... канд. филолог. Наук. СПб., 1991. С. 4.
- ¹⁰ Пестова Н. В. Реализация потенциальных возможностей системы языка в грамматике поэтического текста // Методы изучения системы и эволюции языка: Сб. науч. трудов. Свердловск: Свердл. пед. ин-т, 1988. С. 79.
- ¹¹ Василевич А. П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте (на материале цветообозначений в языках разных систем). М.: Наука, 1987. С. 10.
- ¹² Москович В. А. Система цветообозначений в современном английском языке // Вопросы языкоznания, 1960. № 6. С. 83.
- ¹³ Chapanis A. Colour names for colour space // Am. Scientist. 1965. N 53. P. 327–346.
- ¹⁴ Грановская Л. М. Цветообозначения в истории русской лексики // Русская историческая лексикология. М.: Наука, 1968. С. 83.
- ¹⁵ Пименова М. В. Цветообозначения в древнерусских травниках и лечебниках // Русь и южные славяне. М., 1998.
- ¹⁶ Василевич А. П. Указ. соч. С. 24.
- ¹⁷ Самадов Б. А. Словарный состав современного английского языка: Вопросы онтологии и эвристики. М.: Высшая школа, 1996. С. 48.
- ¹⁸ Василевич А. П. Указ. Соч.
- ¹⁹ Krieg M. F. The influence of French color on Middle English. Michigan Academician, 1979. Vol. II. N 4; Lerner L. D. Colour words in Anglo-Saxon. The Modern Language Review, 1951. Vol. XLVI. N 2.
- ²⁰ Шкуркина Ю. А. Семантическая доминанта цветообозначений в структуре художественных текстов А. Блока // Актуальные проблемы лингвистической семантики. Калининград, 1998; Соловьевна Л. Ф. Семантико-стилистический анализ прилагательного «черный» в поэзии Анны Ахматовой // Вестн. удмурт. ун-та. 1996, № 7.
- ²¹ Шайкевич А. Я. Распределение слов в тексте и выделение семантических полей // Иностранные языки в высшей школе. 1963. Вып. П.С. С. 15.
- ²² Василевич А. П. Указ. соч. С. 13.
- ²³ Соколова Л. Ф. Колоративная лексика в поэзии С. Есенина (К понятийной характеристики словаря поэта) // Теория поэтической речи и поэтическая лексикография. Учен. зап. Свердловского и Щадринского гос. пед. ин-тов. Щадринск, 1971.
- ²⁴ Литвиненко В. И. Фиолетовый цвет в коллективном бессознательном// Вест. психосоциал. и коррекционно-реабилитац. работы, М.: 1996, № 4.
- ²⁵ Соколова Л. Ф. Указ. соч. С. 134.
- ²⁶ Москович В. А. Статистика и семантика. М.: Наука, 1969. С. 19.
- ²⁷ Там же. С. 142–143.
- ²⁸ Duchauk O. Le champ conceptuel de la beaute en Francais moderne. Praha 1960. Vol. 53. N 3.